

БОЛЬШЕ ЕВРОПЕЙСКИЙ, ЧЕМ ЕВРОПЕЙСКИЕ:

К ТИПОЛОГИИ ЭЛЬДАРСКИХ ЯЗЫКОВ

В творческом наследии Толкина, несмотря на всё его разнообразие, прослеживаются черты, сближающие его с наиболее привычными нам, европейскими мифологиями. Сам автор признавался в письме 1954 г.: «...[два основных эльдарских языка] были задуманы (а) быть отчётливо **европейского духа в стиле** и структуре (не деталях)». Но насколько это неформальное представление соответствует действительности? Можно ли строго оценить степень близости?

Достаточно много работ в последнее время акцентируют внимание на различиях; так, статья И. Держанского о категориях изменения квенейского глагола по лицам и числам указывает на изобилие категорий либо немислимых для европейских языков (инклюзивное и эксклюзивное 1-е лицо), либо несочетаемых (фамильярное и формальное 2-е лицо, одушевлённое и неодушевлённое 3-е лицо, двойственное число – одновременно!). В свою очередь, недавняя работа Р. Рауша о стратегиях образования каузативно/антикаузативных пар в эльдарском показывает, что, далеко от типичного европейского формата использования каузатива «вертеть» как основы и формирования антикаузатива «вертеться» от него, эльдарские языки скорее приближены к японскому с его разнообразными направлениями и скорее любви к каузативному как базовому. В связи с этим возникает недоумение, что же сам создатель видел в своих языках столь «европейским»?

В настоящем выступлении будет предпринят опыт практической оценки степени сходства эльдарских языков (в первую очередь квенья, поскольку скос синдарина под валлийский, один из самых нетипичных языков континента, сильно нарушает статистику) с типологическими чертами, характерными для языков Европы. Опираясь на классификацию М. Хаспельмата лингвистических черт в синтаксисе, морфологии и грамматических конструкциях языка как более или менее типичных для среднего языка Европы, мы попробуем установить место эльдарских в этой классификации и покажем, столь ли уж они пугающе далеки от привычных нам структур.

А. Запрягаев